

Гностический этос в аскетическом направлении (Маркион Синопский, Апеллес, Север)

Родин Е. В.

Гностический этос[1] в аскетическом направлении представлен Маркионом Синопским и его последователями – Апеллесом и Севером. Вопрос выбора персоналий непросто. Филипп Шафф, понимавший под аскетическим направлением преимущественно практически ориентированное течение в гностицизме, относил к нему Маркиона, Сатурнина и Татиана (аскетами были и другие гностики, например, Василид и Валентин, но они относятся к теософскому направлению, поскольку наибольшую часть их учения занимает метафизика). Очевидно, что Сатурнин и Татиан были еретиками, но не были гностиками. С Маркионом дело обстоит сложнее: одни исследователи называют его христианским еретиком[2], другие – гностиком[3]. Мы считаем Маркиона гностиком, равно как и Апеллеса с Севером. Впрочем, вопрос о причислении Маркиона к гностикам является дискуссионным и зависит от понимания (или непонимания) тем или иным исследователем сущности гностицизма.

Маркион Синопский

О Маркионе писали многие ересиологи, считая его одним из наиболее опасных гностиков[4]. Первым о Маркионе сообщает мученик Иустин Философ (Апология I, 26), считавший, что Маркион связан с демонами[5]. Иринеи Лионский отмечает, что Маркион был родом из Понта (Против ересей I, 27, 2), а Епифаний уточняет, что Маркион был из Синопа, отец же у него был епископом (Панарион XLII, 1). Епифаний добавляет, что Маркион прибыл в Рим около 140 г., имел отношения с римскими священниками, даже добивался для себя епископского сана. Не найдя понимания у римских священников и порвав с церковью, Маркион начал проповедовать свое учение, направленное против иудаизма. Предполагалось, что Маркион был связан с Кердоном, однако М. Э. Поснов отверг это предположение как несостоятельное[6]. Этику Маркиона следует считать антииудейской, однако в отличие от симониан (именно к симонианам возводил Иринеи Лионский учение Кердона (Против ересей XXVII, 1)) Маркион придерживался строжайшего аскетизма. Ипполит называл среди последователей Маркиона Апеллеса (Опровержение всех ересей VII, 38, 1), а Епифаний еще и Севера (Панарион XLV 1, 1). Все этическое учение Маркиона реконструируется по свидетельствам ересиологов.

Климент Александрийский так излагает учение Маркиона (Строматы III, 12 – 13): "(12, 1) Но и Платон собственной персоной, и пифагорейцы, как и Маркион после них (хотя последний был далек от утверждения, что все жены должны быть общими) полагали, что рождение есть зло. Последователи Маркиона считают природу злой на том основании, что материя является злом, поскольку произошла от несправедливого демиурга. (2) По этой причине, не желая наполнять космос, созданный демиургом, они воздерживаются от брака. Они противятся собственному творцу и стремятся к другому Богу, именуемому благим, а не к тому, который, как они говорят, является богом иного типа. По этой причине они не желают оставлять что-либо после себя на этой земле и воздерживаются вовсе не по своей воле, но скорее из ненависти к творцу и из нежелания пользоваться его творениями. (3) Однако, отказываясь от божественных щедрот и даров, они непоследовательны в своей нечестивой теоматии. Ведь не желая размножаться, они все же едят созданную им пищу и дышат его воздухом. Они сами являются его творениями, наконец. Поэтому, даже если, как они уверяют, они получили иное Евангелие, открывающее гносис, они должны почитать господина этого мира хотя бы за то, что они получили это откровение здесь, на этой земле. (13, 1) Но более подробно об этом пойдет

речь позже, в связи с доктриной о первоначалах. Те же философы, которых мы упомянули и от которых последователи Маркиона позаимствовали свою нечестивую доктрину о том, что рождение есть зло, хвастаясь тем, что это их изобретение, в действительности учили не о том, что оно есть зло по природе, но только для той души, которая способна различать истину. (2) Они учат о том, что душа имеет происхождение божественное и низвергается в этот мир в наказание, поэтому воплотившаяся душа нуждается, согласно их воззрениям, в очищении. (3) И учение это принадлежит вовсе не последователям Маркиона, но тем, кто учит, что души нисходят в тела, меняют свою оболочку и перевоплощаются. Но и об этом мы также расскажем позже, когда речь пойдет о душе"[7].

Климент справедливо указывает на платонические корни учения Маркиона. Enkrateia (воздержность) встречается как термин у Платона (Gorg., 491e), в дальнейшем этим словом обозначается родовая добродетель христианского "аскетического делания"[8]. Впрочем, Климент подчеркивает, что маркиониты "воздерживаются вовсе не по своей воле, но скорее из ненависти к творцу и из нежелания пользоваться его творениями". В этом и заключается особенность гностического аскетизма, считающего природу злой, а не падшей, и исключаящего в этой связи христианскую задачу преображения мира[9]. Христианский аскетизм предполагает свободный выбор, в основе которого находится не ненависть к Творцу, а любовное служение. Не желая размножаться, маркиониты противостоят ветхозаветному повелению "плодитесь и размножайтесь" (Быт. 1: 22). Противостояние гностиков Ветхому Завету и его богу (демиургу) является одним из признаков гностических учений. В данном отрывке именно этот гностический радикализм определяет гностический этос Маркиона. Enkrateia (воздержность) в учении Маркиона противоречит sophrosyne (благоразумию), поскольку маркиониты "непоследовательны в своей нечестивой теомехии" и "сами являются его творениями, наконец".

Ириной Лионский сообщает дополнительные сведения о Маркионе (Против ересей I, 27, 2 – 3): "(2) За ним последовал Маркион из Понта, который распространил это учение. Он бесстыдным образом богохульствовал, говоря, что проповеданный законом и пророками Бог есть виновник зла, ищет войны, непостоянен в своем намерении и даже противоречит Себе. Иисус же происходил от Того Отца, Который выше Бога Творца мира и, пришедши в иудею во время правителя Понтия Пилата, бывшего прокуратором Тиверия Кесаря, явился жителям иудеи в человеческом образе, разрушая пророков и закон и все дела Бога, сотворившего мир, Которого Он называет также миродержителем. Сверх того Он искажал евангелие Луки, устраняя все, что написано о рождестве Господа, и многое из учения и речей Господа, в которых Господь представлен весьма ясно исповедующий, что Творец этого мира есть Его Отец. Маркион также внушал своим ученикам, что он достойнее доверия, чем апостолы, предавшие Евангелие, а сам передал им не Евангелие, но только частицу Евангелия. Подобным образом он урезывал и послания апостола Павла, устраняя все, что апостолом ясно сказано о Боге, сотворившем мир, что Он есть Отец Господа нашего Иисуса Христа, и что апостол приводил из пророческих изречений, предвозвещавших пришествие Господа. (3) Спасение же принадлежит только душам, которые приняли его учение; а телу, так как оно взято от земли, невозможно участвовать в спасении. К этой хуле против Бога присоединял он, подлинно принимая уста диавола и говоря все в противность истине, следующее: Каин и ему подобные, и содомляне, и египтяне, и им подобные, также, как и все народы, жившие во всяком роде разврата, спасены Господом, когда Он нисходил в ад, и они прибегли к Нему, и приняты в Его царство; Авель, напротив, Энох, Ной и прочие праведники, также потомки патриарха Авраама, вместе со всеми пророками и людьми богоугодными, не получили спасения; - так возвещал змий, бывший в Маркионе. Ибо они, говорил он, зная, что их Бог всегда искушал их, подозревали, что Он и тогда их искушает, и потому не прибегли к Иисусу, и не по верили Его проповеди, и, поэтому, учил он, их души остались в преисподней"[10].

Иринея сообщает, что Маркион искажал Евангелие от Луки и Послания ап. Павла. Сегодня трудно сказать, что изначально было написано Маркионом, а что является искажением. Исследователям удалось скорее поставить, а не окончательно решить вопрос о роли Маркиона в редактировании Нового Завета[11]. Очевиден антииудейский подход Маркиона, противопоставлявшего Ветхий и Новый Заветы. Кажется, что вопрос о спасении решается Маркионом более в христианском ключе, чем у самого Иринея Лионского, сформировавшего учение о воскресении плоти в полемике с валентинианами[12]. Однако Иринея приводит сведения, которые, если им верить, подтверждают гностический характер учения Маркиона: "Каин и ему подобные, и содомляне, и египтяне, и им подобные, также, как и все народы, жившие во всяком роде разврата, спасены Господом, когда Он нисходил в ад, и они прибегли к Нему, и приняты в Его царство; Авель, напротив, Энох, Ной и прочие праведники, также потомки патриарха Авраама, вместе со всеми пророками и людьми богоугодными, не получили спасения". Такое учение не только еретично, но и гностично, поскольку спасаются главные герои сифианского гносиса: Каин и содомляне. Это положение подтверждает версию о гностичности учения Маркиона, гностический этос которого имеет ряд общих черт с учением Платона, но приобретает новое, антииудаистское звучание.

Апеллес

Ипполит сообщает об Апеллесе как о последователе Маркиона (Опровержение всех ересей VII, 38, 1–5): "(1) Апеллес, который за ними следует, учил о следующем: существует первый благой Бог, подобный тому, о котором говорит Маркион, за ним идет праведный творец всего сущего, третьим является тот огненный бог, который говорил с Моисеем, наконец, существует и четвертый, причина всякого зла. Этих он называет ангелами.

(2) Закон и пророков он не жалуется, говоря, что все, созданное людьми, ложно. Из Евангелия и апостольских писаний он выбирает только то, что ему нравится. С другой стороны, он проповедует слова некой пророчицы Филумены. Христос произошел от высшей силы, то есть от благого, и является его сыном. (3) Тот, который явился, как он говорит, не рожден девственницей и не бестелесен, но он взял по части от всех субстанций, то есть от горячего, холодного, влажного и сухого, и сделал из этого тело. В этом теле он скрывался от космических сил, пока был в мире. (4) Когда его распяли иудеи, он умер и воскрес на третий день, и явился своим ученикам для того, чтобы показать им отметины от гвоздей, дабы они не подумали, что он был фантомом. (5) Тело, которое он им показал, он затем вернул земле, так как он не принимает ничего чуждого; воспользовавшись им в течение положенного времени, он затем вернул каждой [части материи] то, что ей принадлежало, разрушив телесные связи, отдав горячее горячему, холодное холодному, влажное влажному и сухое сухому; и вознесся к своему Отцу, оставив после себя семя жизни в мире, через своих учеников, для тех, кто верит в него".

Как видно из слов Ипполита, Апеллес во всем следует учению Маркиона. Не принимая Ветхий Завет и пророков, Апеллес избирательно подходит к Евангелию, занимаясь, как и Маркион, выявлением различных интерполяций. Учение о Воскресшем выглядит своеобразно: Он "скрывался от космических сил, пока был в мире"[13], а после воскресения свое тело "вернул земле, так как он не принимает ничего чуждого". Благой Бог противопоставлен демиургу, что свидетельствует о гностическом антииудаизме Апеллеса. Материя признается чуждой, а мир злым. Слова "оставив после себя семя жизни в мире" могут быть истолкованы различным образом (вплоть до отсылки к символизму сифианских текстов), однако их эзотерический смысл остается не до конца ясным.

Епифаний, подтверждая слова Ипполита, говорит (Панарион XLIV, 2, 6): "[Апеллес] ... стремился показать, что в речениях сказано им самим [Христом], а что Демиургом. "По этой причине, – по его словам, – он заповедовал: поступайте как опытные менялы. То есть пробуйте все писание, выбирая то, что полезно".

Избирательный подход к Евангелию близок не только Маркиону, но и Апеллесу, в этом видна определенная преемственность. Одновременно с этим Апеллес противопоставляет Бога демиургу, под которым, как и у Маркиона, понимается ветхозаветный бог.

Север

О Севере сообщает Епифаний (Панарион XLV 1, 1–2, 3; 4, 1.9): "(1, 1) За ними (Лукианом и Апеллесом) последовал Север, либо их современник, либо живший примерно в это же время... (3) Он также приписывает творение нашего мира властям и силам. В неизменяемой выси и зоне находится благой Бог. (4) Дьявол, как он говорит, приходится сыном великому правителю, правящему сонмом сил, причем иногда он называет его Саваоф, а иногда – Иалдаваоф. Рожденный им и является змеем. (5) Он был сброшен вниз высшей силой и, извиваясь на своем пути вниз, впал в безумную страсть и совокупился с землей, как с женщиной. Из его семени возникло виноградное дерево. (6) То обстоятельство, что виноградная лоза извивается, он истолковывает мистически, говоря, что по причине того, что виноградное дерево лишено симметрии, оно так искривлено. Белое вино он сравнивает со змеем, а красное – с драконом. Виноградины подобны каплям или сгусткам яда, а завитки каждого побега подобны спирали, только короткие и круглые. (8) Поэтому вино затуманивает разум человека. Иногда вызывая сексуальное желание, иногда приводя в неистовство. Кроме того, оно вызывает состояние ярости, так как тело легко поддается силе вина и отраве вышеупомянутого дракона. На этом основании они полностью воздерживаются от вина. (2, 1) Они утверждают, что женщина – это тоже дело рук Сатаны..., поэтому все те, кто вступает в брак, тем самым сотрудничают с Сатаной. (2) Но и мужчина также наполовину происходит от Бога, а наполовину – от Сатаны. Верхняя часть, говорит он, создана Богом, а та, что ниже пупка – злой силой. (3) Поэтому все то, что вызывает наслаждение, происходит из этой низшей части. (4, 1) Они, как мы слышали, используют некоторые апокрифы, однако не пренебрегают и общими книгами, выбирая из них то, что им нравится, и истолковывая совершенно превратным образом... (9) Об этой ереси я говорю кратко, поскольку, как кажется, очень немногие ныне придерживаются ее, разве что в верхних областях [в Верхнем Египте]".

Если верить Епифанию, то Север придерживается того же метода, что и Апеллес. Упоминание о Иалдаваофе отсылает нас к некоему "общему гностическому мифу", однако главным у Севера является этическое учение. Отказ от вступления в брак и от употребления вина характеризуют учение Севера как аскетическое (энкратизм), при этом рассуждения о злой природе вина встречаются и в других неканонических текстах. Например, в тексте из Наг Хаммади "О сотворении мира" (II, 5) говорится: "После Эроса того лоза виноградная произросла из крови, которая была пролита на землю, поэтому пьющие ее возбуждают в себе страсть к соитию" (перевод А. И. Еланской). Гностический эрос в данном отрывке имеет чувственный характер, в этом он близок античному эросу. Подобные идеи заложены и в "Апокалипсисе Баруха", где сообщается: "Слушай, Барух, первое дерево – лоза. Это дерево греховной похоти, которую Сатанаил излил на Еву и Адама. И за это Бог проклял лозу, ибо ее посадил Сатанаил и прельстил первозданного Адама и Еву... Дерево это несет в себе и зло: оно, подобно Сатанаилу, не изменяет своей злой сути, ибо люди пьют помногу вина. Оно источник всевозможных зол: из-за вина брат восстает на брата, а отец на сына; оно ведет к разбою, прелюбодеянию и блуду"[14].

Можно найти и другие параллели, однако главным моментом здесь оказывается аскетический характер учения, вобравшего в себя определенные гностические элементы (прежде всего, в мифологии). Гностический этос Севера отличают энкратизм и антииудаизм, характерные и для его предшественников – Маркиона и Апеллеса.

Итак, гностический этос в аскетическом направлении, среди представителей которого были названы Маркион, Апеллес и Север, является сложным явлением, имеющим платонические и христианские корни, а также ряд гностических черт, к главным из которых относятся энкратизм, антииудаизм и антикосмизм, а также элементы гностического мифа, предполагающего определенное родство с другими гностическими группами. Например, были обнаружены параллели с сифианским гносисом, что открывает возможности для дальнейшего исследования. С другой стороны, проведение аналогий не всегда оправдано, особенно в случаях с ересиологическими трактатами: кажущееся единообразие выглядит ненадежным, а некоторые оценки ересиологов представляются излишне эмоциональными. Все эти моменты должны учитываться дальнейшими исследователями во избежание искажения сущности гностицизма и искусственного привнесения в него чужеродных идей.

Примечания

[1] В нашем определении "гностический этос" – это мировоззренческая парадигма, определяющая нравственно-практическое своеобразие гностической традиции.

[2] Adolf Von Harnack. History of Dogma. Vol. I. P. 266. Translated by N. Buchanan. Published by Boston, Little. 1901.

[3] G.R.S. Mead. Fragments of a Faith Forgotten. London and Benares. 1900. 3rd Edition. 1931 P. 246. Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. – Брюссель. – 1991. – С. 375.

[4] "Опасность" заключалась в том, что учение Маркиона основывалось на христианских источниках, но в его личной редакции. В этом некоторые видели попытку внести в церковное учение раскол. Маркион одним из первых создал свою редакцию Нового Завета, включив в него отличное от дошедшего до наших дней Евангелие от Луки, а также 10 Посланий ап. Павла. Еще Маркион написал работу "Антитезы" в которой представил несовместимость Ветхого и Нового Заветов.

[5] Иустин всех гностиков считал одержимыми демонами.

[6] Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. – Брюссель. – 1991. – С. 375.

[7] Здесь и везде далее при цитировании произведений христианских ересиологов (кроме Иринея Лионского "Против ересей") используются переводы Е. В. Афонасина. Цитирование "Стромат" Клементя Александрийского осуществляется по изданию "Климент Александрийский "Строматы" Е.В. Афонасин, предисловие, перевод, примечания, 2003. Перевод осуществлен по изданию: Clemens Alexandrinus, Opera, ed. Otto Stählin, Ludwig Früchtel. Berlin: Akademie-Verlag, 1960-1970".

[8] Назаров В. Н. Этика. Энциклопедический словарь. М. 2001. Статья Аскетизм. С. 27.

[9] Там же. С. 28.

[10] Св. Иринея Лионский Творения 1996. Репринтное издание "Сочинения Святого Иринея, епископа Лионского". Изданы в русском переводе протоиереем П. Преображенским. СПб., издание второе издание 1900. С. 95 – 97.

[11] См. Paul-Louis Couchoud. La première édition de St.Paul. // Revue de l'histoire des religions, mai – juin, 1926. Charles B. Waite, The History of the Christian Religion to the Year Two-Hundred. Chicago, 1900, 287 – 303.

[12] См. Ysabel de Andia, La résurrection de la chair selon les valentiniens et Irénée de Lyon // Les quatre fleuves. Cahiers de recherche et de réflexion religieuses. Paris, 1982. N. 15-16. P. 59-70.

[13] Нечто похожее можно найти у каинитов (представителей сифианского гносиса) в изложении Елифания (Панарион XXXVIII, 2, 4), где говорится: "ангел, который ослепил Моисея, и эти ангелы скрыли тех, кто был с Кореей, Дафаном и Авирамом (Числ. 16) и отвели их в другое место". Под другим местом здесь понимается "шеол".

[14] Гностики или "о лжеименном знании". Киев. С. 88 – 89.